Наследие Коржибски: Что это? Как нам его передавать?

БРЮС КОДИШ

Наследие Коржибски: что это? Как нам его передавать? Учитывая, что я употребляю здесь термин «наследие» в значении «передаваемое предшественником нечто», в наследии Коржибски имеется несколько аспектов. Какой-то частью оно состоит из осязаемых объектов: артефактов и архивов. Другой частью – из самого Института Общей Семантики. Однако, сфокусироваться я хочк на том, чему Коржибски учил – на обширной системе формулировок, известной как ОС (‘общая семантика’). Коржибски советовал при изучении чьих-либо трудов: “… читайте не только то, что читаете, но изучайте автора”.[1] Иными словами, приложите усилия, чтобы проникнуть к авторам в головы, выясните, с какими проблемами они имели дело, какие вопросы задавали, что хотели сказать. Я изучал автора, и хочу поделиться тем, что узнал о работе Коржибски. В чём заключается суть того, чему он учил, его наследие? К чему оно пришло в настоящем? Что нам делать, чтобы его передавать?

Приблизительно в конце 1919 или в начале 1920 года, Коржибски – живший тогда в Нью-Йорке – стоял на вершине Вулворт Билдинг, самого высокого здания в мире на то время. Он уже провёл полжизни, наблюдая за безрассудным поведением людей (включая и свои безрассудные поступки). Он говорил: «Меня попросту достала человеческая глупость».[2] Любуясь видом, он вспомнил о двух вопросах, которые витали вокруг его головы на протяжении его почти 40 лет. Первый вопрос пришёл к нему на ферме его семьи в Польше, где он мальчиком начал наблюдать за животными и людьми. Он не сомневался, что животные, такие как лошади, умели ‘думать’. По опыту наездника и дрессировщика, он встречал лошадей, которые казались ему ‘благоразумнее’ знакомых ему людей. Он также вспоминал крестьян, которые жаловались на тяжёлые рабочие условия: “Хозяин, мы же не скоты”.[3] Эта мысль осела: *Чем животные отличаются от человека?* С тех пор как закончилась Первая мировая война, которую Коржибски испытал напрямую в боях на восточном фронте Польши, он нашёл время обдумать второй вопрос в связи с предыдущим: *Чем отличаются разные виды человеческого поведения?* Почему мосты, построенные руками человека, обычно не обрушиваются, тогда как более широкие социальные структуры, тоже построенные человеком, часто разваливаются?

Разглядывая центр Манхэттена, он, вероятно, смог сформулировать своё замешательство:

> …Я смотрел на Нью-Йорк. Этот огромный город, кипящий, бурлящий жизнью… И я задал себе вопрос, как это происходит, с физической стороны, то, что я вижу на улице, на Бродвее. Я видел паразитов; люди вели себя как паразиты. Они казались маленькими из-за большой высоты; трамвай напоминал гусеницу. …Увиденное интриговало меня. Я хорошо понимал, что каждый маленький человечек там внизу изобиловал радостью, печалью и всем остальным. Кто сделал эту громадную штуку – Нью-Йорк? Эти паразиты её сделали. Я не получил ответ на вопрос о том, как люди, такие маленькие существа с такой богатой личной жизнью, как, чёрт возьми, они смогли сделать такую штуку как Нью-Йорк, Париж, войны, революции,…?[4]

Мне кажется, вопросы Коржибски до сих пор не утратили в актуальности. Почти 50 лет спустя в квартале от Вулворт Билдинг началось строительство комплекса всемирного торгового центра. Когда строительство закончилось в 1973 году, знаменитые башни-близнецы на некоторое время стали самыми высокими строениями в мире, ‘созданными человеком’; Вулворт Билдинг этот титул утратил. Маленькие человечки сделали их. Башни продолжали сто-

ять до 11го сентября 2001 года, когда стали смертельными ловушками для трёх тысяч человек. Сегодня подняться на вершину Вулворт Билдинг не разрешают по соображениям безопасности. Если бы вы могли с него посмотреть вниз на юго-запад, вы бы увидели широкую площадь, где стояли эти башни; теперь там находится мемориал. Это тоже сделали маленькие человечки. Как, чёрт возьми, они могли такое сделать?

Весной 1920 года, на ферме свояченицы за городом Канзас шт. Миссури, Коржибски размышлял над своими вопросами и печатал первый черновик того, что впоследствии стало его первой книгой, *Зрелость Человечности*. Однажды ночью он проснулся с ответом, который пришёл к нему во сне:

> '*Мы можем передавать из поколения в поколение*' [курсив мой –БК]. ...Я воскликнул. Я ещё не подобрал термин 'время-связывание' на тот момент. Потребовался день, [возможно] два или три – требовался ярлык. Затем я постепенно выработал терминологию. Мы можем передавать – делаем мы это или нет – теории, религию, табу. В некоторых племенах отрезают головы; этим простым и эффективным способом они останавливают время-связывание.[5]

Сформулировав время-связывание, Коржибски получил ясный, общий ответ на свой первый вопрос. Основа отличия нас от других форм жизни состоит в нашей характерной способности применять язык и другие системы обозначений. Мы можем учиться на нашем опыте и на опыте других способами, которыми это, по-видимому, не могут делать животные. Вместе мы можем формировать культуры и, с более широкой временно́й перспективы, каждое поколение имеет потенциал начать там, где остановилось предыдущее поколение, и за счёт этого накапливать полезные знания постоянно нарастающими темпами. Таким образом, понятие время-связывания, с общей точки зрения, служит стандартом для понимания индивидуального и группового поведения.

Понятие время-связывания также дало Коржибски общий ответ на его второй вопрос об отличиях между разными видами человеческой деятельности. В книге *Зрелость человечности*, опубликованной в 1921 году, он изложил идею о том, что люди, по большей части, *не* реализуют адекватно свой время-связующий потенциал. В математике, точных науках и технологии время-связывание, по-видимому, работает относительно хорошо; в остальных областях жизни не особо хорошо. Приблизительными формулами и графиками он спрогнозировал, что растущее расхождение темпов 'прогресса' время-связывания между разными областями (теми, в которых следуют более 'научным', более осознанно время-связующим стандартам и теми, в которых это не делают) приведёт к росту возможностей и усугублению общественных бардаков.

На протяжении остатка своей жизни он продолжал исследовать причины этого дисбаланса и фокусироваться на методах, которыми удалось бы его выправить. В значительной степени для него это сводилось к исследованию эпистемологии – изучении того, каким образом мы знаем то, что говорим, что мы знаем в науке и остальной жизни. Ещё 12 лет Коржибски изучал широкий спектр дисциплин от физики до психиатрии, сравнивая способы 'мышления' учёных и математиков (среди прочих), когда они работают максимально эффективно (в пределах своих возможностей), со способами мышления, которые они и другие люди задействуют большую часть остального времени.

Коржибски пришёл к пониманию, что унаследованный мир мысли в основе наук и остальной Западной культуры зашёл в тупик. Развитие в науке и математике, процессуальный мир отношений, который ими открыли, и динамическое общество, которое создали с их помощью, за счёт технического прогресса, больше не имели адекватного основания в мировоззрении и связанной с ним методологией Аристотеля и его последователей. Коржибски формулировал новую операционную систему – не-аристотелеву версию фундамента знаний человека, которую

он называл “актуальной эпистемологией”[6] для науки и общей культуры. Он не рассматривал это как ‘философский’ вопрос, а считал, что его эпистемологически-сфокусированная работа – синтез актуального знания и формулировка проверяемых утверждений – заслуживала называться “научной”.

Эпистемология Коржибски включала новое ‘мышление’ о ‘мышлении’, которое он рассматривал как неврологический процесс, не отдельный от того, что мы называем ‘ощущением’, в человеческом организме-как-целом-в-среде. Рассматривая методы ‘мышления’-‘ощущения’, которые он называл *оценкой*, он пришёл к исследованию в областях психиатрии и умственного здоровья. С 1925 по 1926 годы он учился в больнице Святой Елизаветы, государственной “больнице для душевнобольных” в Вашингтоне О. К. под руководством своего друга доктора Уильяма Алансона Уайта, директора больницы. Сведением вопросов, которые едва ли кто сводил вместе до этого – математические методы и психиатрию, науку и здравомыслие – Коржибски занял уникальную точку зрения. Вот, что написал профессор Гарвардской Бизнес Школы, Фритц Ротлисбергер, о периоде, в который Коржибски проводил свои исследования:

> …многие интересовались сравнением того, как мыслит ребёнок (Пиаже) с тем, как мыслит первобытный человек (Леви-Брюль) и тем, как мыслит невротик (Фрейд). Сравнивать то, как мыслит математик (Рассел и Уайтхэд) с тем, как мыслит невротик (психиатрия) мог либо гений, либо ненормальный. Коржибски занимался именно этим.[7]

Коржибски теории не хватало. Упор в практику решения проблем всегда играл центральную в роль в разработке его теорий. Он хотел избавиться от человеческой глупости, улучшив человеческое ‘мышление’. Из этого нового мировоззрения и актуальной эпистемологии Коржибски вывел методологию, чтобы помочь людям *экстенсионализоваться* – мыслить более ‘фактически’ о себе и своих проблемах. Эту методологию он разработал достаточно простой, чтобы её получалось преподавать детям. (Простой, но не легкой в освоении, особенно в обучении взрослых.) Его *прикладная эпистемология*, известная как ‘общая семантика’, представляет основную часть его наследия.

Коржибски начал преподавать свою практическую теорию до того, как опубликовал свою вторую книгу *Наука и здравомыслие* в 1933. К тому моменту он закончил заниматься теорией и поставил в приоритет применение, чтобы выяснить, насколько эффективно и для кого его методы работали. Он давал лекции и преподавал в различных учреждениях, а затем начал вести семинары в Институте общей семантики, который он основал в Чикаго с несколькими студентами в 1938 году.

К моменту его смерти, 1 марта 1950 года, влияние и репутация Коржибски достигла высокой отметки; его признали во многих областях и кругах общества. Его приняли в Американскую Ассоциацию Содействию Науки и в Американское Математическое Общество, а его работа вызывала интерес и уважение многих в научном сообществе. Он работал с тысячами студентов, как на семинарах, так и на индивидуальных занятиях. С первого тиража книги *Наука и здравомыслие* за 17 лет продали около 20.000 экземпляров трёх изданий. Множество авторов применили его работу к широкому многообразию проблем в различных областях исследований, о чём написали книги и статьи, которыми её популяризовали. Им также интересовались в СМИ. Журнал *Time* опубликовал, по меньшей мере, четыре разных статьи о нём с 1938 по 1949 годы. О его смерти написали в некрологе *New York Times.* Многие, не только близкие друзья и студенты, выразили скорбь утраты. В издании *American Journal of Psychiatry* 1950 года опубликовали следующий комментарий: “Смерть этого великого учителя… заставляет глубже ценить его значительный вклад в человеческое понимание, на индивидуальном, социальном и международном уровне”.[8]

Ему и его коллегам в Институте приходилось вносить этот вклад в весьма суровых условиях: при серьёзной нехватке денег и персонала. Они не могли посвящать своё время и тратить энергию на развитие результатов этой методологии в той мере, в которой хотели. Возможно, если бы он прожил всего на несколько лет дольше, они смогли бы закрепить его репутацию, получить достаточное финансирование и стабильнее поддерживать его работу. Однако этого не случилось.

К настоящему

За 61 год после смерти Коржибски его работа стала предметом интереса лишь для небольшого числа индивидуумов и групп по всему миру. Такая малая аудитория создаёт ложное представление о значительности влияния ОС в различных областях, которого многие не замечали. Например, физик Ричард Фейнман определил науку с точки зрения время-связывания, но не знал, что формулировка изначально пришла от Коржибски.[9] ОС не удалось добиться широкого признания, на которое Коржибски, его коллеги и другие, как я, надеялись. Вместо этого, его работу сдвинули на культурную периферию. Чтобы представить всесторонний анализ причин, по которым так получилось, не хватит времени, но я бы хотел привести несколько факторов, которые стоит учесть.

Даже за время его жизни некоторые люди не могли привыкнуть к житейским манерам Коржибски и прямоте, иной раз, грубости в изъяснении. Из-за того, что он получил специализацию только в инженерии, некоторые люди считали его знания по множеству предметов фиктивными, высоту его целей и широкий кругозор интересов – высокомерием, его заявления о том, что он сформулировал первую – известную ему – не-аристотелеву *систему* – нелепым, а его заявление о том, что он разработал практическую методологию, чтобы помочь понять и решить "разногласия между двумя любовниками, двумя математиками, двумя народами, двумя экономическими системами, [и т. д.]..."[10] – абсурдом. Нередко встречались небрежные интерпретации его лекций и письменных трудов, авторы которых путали его принятие всех человеческих знаний "в пределах его перспективы" – правомерно для работника в эпистемологии – с "принятием всех знаний в его компетенции", на что он никогда не претендовал. Коржибски часто говорил: "Я говорю то, что говорю. Я *не* говорю то, что не говорю". Он также повторял, что 'не предлагал панацей', но многие люди всё же делали вывод, какой сделал один из его студентов, сказавший ему: "Вы, похоже, утверждаете, что каждую человеческую проблему получится решить общей семантикой". Коржибски ответил: "Всё, что я говорю – ограничено, ограничено, ограничено!"[11]

Трудности Коржибски не заканчивались на людях, которые, как например, скептик Мартин Гарднэр, отвергали его работу с порога, не изучив её в достаточной мере.[12] Разногласия возникали и с некоторыми из его студентов. Первым из подобных случился конфликт с С. И. Хаякава. В связи с тем, что я совсем недавно получил относительно новую "Книжную премию С. И. Хаякава", я немного волнуюсь по поводу того, что собираюсь сказать, но всё же скажу. Применяя работу Коржибски к ограниченной области изучения английского языка, Хаякава свёл ОС к лингвистической / философской дисциплине, которой придавал важность сам – семантике. Этим он усугубил путаницу, которая возникла из-за того, какие Коржибски выбрал термины для своего исследования человеческой *оценки.* Общая семантика конечно же включает, но не ограничивается вопросами о языковых 'значениях'. Разногласия между Хаякава и Коржибки, которые я подробно обсудил в книге *Коржибски: одна из биографий,* привели к разрывам отношений в сообществе ОС, которые серьёзно беспокоили Коржибски, и длились долго после его смерти. Какие бы недостатки не удалось найти в том, как Хаякава представлял работу Коржибки, талант писателя и редактора обеспечил ему известность представителя от ОС или, как он её называл, 'семантики'.[13] Хаякава многие годы работал редактором журнала *ETC: A Review of General Semantics* (который тогда публиковало Международное общество общей се-

мантики). Под его влиянием МООС – независимая организация, основанная в 1942 году некоторыми из студентов Коржибски, чтобы продвигать его работу и помогать собирать средства для ИОС – стало, в некотором роде конкурентом ИОС. С 1950 до 2003, когда МООС слилось с ИОС, эти две организации в целом представляли два разных подхода к ОС. В МООС – даже после ухода Хаякава с поста редактора *ETC.* – продолжали упрощать ОС таким способом, который – мягко говоря – не всегда адекватно представлял более широкие цели и подход Коржибски.

Например, Нил Постман, социолог и редактор *ETC.* с 1976 по 1986, продолжал традицию Хаякава, хотя и казалось, что он пытался от неё отойти. В своей книге *Conscientious Objections*, в пестрящем ошибками эссе под названием "Альфред Коржибски" (из которого я цитировал выше) он написал следующее: "Мысль Коржибски *была* грандиозной в том, что он считал, что мог охватить все знания [с. 138].... из-за того, что думал, что компетентен во всех знаниях, он тянулся далеко, но ухватить мог мало [с. 145]." Как и в случае Хаякава, многие считали, что Постман знал намного больше о Коржибски и его работе, чем он знал на деле. К сожалению, как и Хаякава, Постман, видимо, считал так же.

Незадолго до начала последнего десятилетия, Институт общей семантики держался ближе к корням учения Коржибски, передавая его богатое наследие многостороннего подхода изданиями журнала *General Semantics Bulletin*, информационного бюллетеня *Time Bindings*, и многих книг, включая одну из самых важных – первое издание *Collected Writings* (*Собрание Письменных Работ* Коржибски), опубликованное в начале 1990х. Институт также сохранял регулярную образовательную программу, включая, по меньшей мере, один ежегодный семинар, курс для преподавателей и магистратуру по *Науке и здравомыслию*, а также курсы по ОС и философии для выпускников, и ОС в истории науки. Несмотря на постоянные финансовые проблемы и нехватку персонала, программы такого рода продолжались первую часть последнего десятилетия, больше 50 лет после смерти Коржибски – выдающееся достижение для автономной организации без сети институтов.

В будущее

В 2011 году большая часть наследия Коржибски стала скрытой и недо-применённой. Например, как много людей знает, сколько исследований, связанных с ОС провели за последние 70 лет? (Эти исследования задокументировал в различных письменных работах мой друг и учитель, Кеннет Джонсон).[14] Сколько ещё исследований мы можем ожидать, если уже имеющиеся знания остаются почти или совсем недоступными? Как мы оцениваем перспективы дальнейших исследований, разработок и образования в ОС, если не знаем и не пользуемся тем, что уже имеем?

В этом году институту исполнилось 73 года. На протяжении его истории, институту пришлось нелегко, но ему удалось дожить до сегодня – *поразительно*. Однако институт сильно изменился. Последние десять лет казались особенно тяжёлыми. За это время институт переезжал четыре раза (или больше, в зависимости от того, как считать), сменилось три разных генеральных директора (и на данный момент этот пост никто не занимает), и умерло или ушло несколько давних ценных сотрудников. В институте уже несколько лет не проводился традиционный семинар. Ценные материалы из архивов оказались разбросанными по разным местам или потерялись. Я не знаю, сколько участников сейчас состоит в институте или сколько составляют доходы, но я бы не удивился, что эти показатели снизились. Издательство Института (включая интернет-ресурсы) видится более активным, но не без проблем и точно не без иронии. Иронии также хватает в том, что издание *General Semantics Bulletin* – которое изначально публиковали в 1950 в качестве строгого противовеса для тогда изрядно разбавленной 'семантики' в журнале *ETC.* – перестали издавать, а между тем *ETC.* стал главным периодическим изданием

Института. Я бы счёл весьма ироничным, если бы культура МООС вместе с ‘семантикой’ Хаякава стала бы превалировать, в то время как МООС – которое уже не могло выжить финансово – стало частью Института в 2003 году. Название награды от Института за книгу, которую начали давать в 2009, “Книжная премия С. И. Хаякава”, намекает на это. (Мне следует признать, что три книги, за которые выдали награды, – *The Hidden Side of Babel: Unveiling Cognition, Intelligence and Sense* Лоры Бертоун, *Graymanship: The Management of Organizational Imperfection* Боба Эдди и моя *Коржибски: одна из биографий* – действительно служат примерами соблюдения традиций ‘прежнего’ Института Общей Семантики.)

Вы когда-нибудь посещали веб-страницу со множеством нерабочих ссылок? Думаю, фраза ‘нерабочие ссылки’[i] обобщает немалую часть проблем ИОС; проблем, с которыми приходится иметь дело любому, – понимают он это или нет – кто искренне хочет продвигать и развивать работу Коржибски. Основной симптом, среди уже отмеченных, я вижу в том, что связь ИОС с его традициями существенно нарушилась. Складывается впечатление будто наступила какая-то организационная амнезия, в связи с которой источник вдохновения, который поддерживал ИОС так долго, иссяк. Частично – и лишь частично – это произошло от факторов вне чьего-либо контроля: ближайших Коржибски студентов и коллег больше нет. Большинство из них приходились мне наставниками, Шарлот Шукарт Рид и её муж Аллен Уокер Рид умерли в 2002 году. Множество их студентов и коллег, которые внесли весомый вклад в образование и исследование в области ОС, умерли или ушли по другим причинам. Утраченное вдохновение от их присутствия не поддаётся измерению.

Институт многие годы служил центром изучения и образования в области ОС$_{\text{по-Коржибски}}$. Может ли он возродиться для эффективного продвижения и развития наследия Коржибски в эру интернета? Я не знаю. Приход эры электронной информации показывает пример того, что Коржибски спрогнозировал в 1921 году в книге *Зрелость человечности*, а также то, что подкрепляют исследования Шери Тёркл: что быстрый рост темпов развития технологий и связанные с ним социо-культурные перемены продолжат бросать всё более сложные вызовы способностям людей налаживать отношения между собой. Я не сомневаюсь в том, что наследие Коржибски, сформулированная им оценочная система, на которой строились другие, даёт средства, чтобы принять эти новые вызовы. В свою очередь, новые технологии дают инструменты и возможности тем, кто хочет передавать наследие.

В целом в Институте или где-либо ещё нести его в будущее предстоит тем, кто придаёт ему важность. Слов не хватит. Следует проявлять пристрастие. Следует действовать. Следует задавать сложные вопросы, чтобы покинуть зону комфорта того, что, нам кажется, мы знаем. То, чему Коржибски учил, постепенно покрылось густым мраком из-за постоянных ошибок, допускаемых некомпетентными, но влиятельными критиками и студентами, не усвоившими и неадекватно применявшими работу, которую сегодня почти никто не читает и понимает лишь поверхностно. Праздной болтовни *о ней* не хватит. Для того чтобы адекватно передавать наследие, нам следует изучать больше и делать больше; изучение и действие должны идти вместе.

Мой близкий друг, Гомер Дж. Мур мл., малоизвестный, но важный сотрудник Института, работавший преподавателем в период моей самой активной работы в Институте (примерно с 1979 по 2004), называл себя “практикующим студентом”, несмотря на то, что добился продвинутого уровня как учёный и преподаватель дисциплины. Каким практикующим студентом видите себя вы? Насколько оправданной вы считаете свою уверенность в знании и понимании ОС? Кто из вас тщательно изучал *Зрелость человечности*, *Наука и здравомыслие*, *Korzybski’s Collected Writings*? Кто из вас тщательно изучал работу важнейших продолжателей традиций Коржибски? Кто из вас знает о них? Как применять традицию без адекватного её понимания? И если

i. ‘lost links’ – *дословно* ‘потерянные связи’

вы не усваиваете и не применяете дисциплину в своей жизни, как вы можете адекватно понять теорию, её диапазон и её ограничения?

Я не говорю о слепом следовании вероучению. Правильно понятая не-аристотелева традиция, которую начал Коржибски не должна создавать запретов, препятствующих инновации. Однако, если вы хотите *строить* на фундаменте работы Коржибски, – чем занимались в Институте, когда я там стажировался – эту традицию следует поддерживать. Помните цитату Коржибски, с которой я начал – "изучайте автора"? Я написал *Коржибски: одна из биографий*, чтобы дать осмыслить ценность ОС, показав жизненную борьбу Коржибски и его коллег (включая его жену Майру) в их работе над искоренением человеческой глупости. Я убеждён, что сокровища прошлого Коржибски, запрятанные и похороненные, дают ключи к дверям будущих возможностей, и, возможно, к другим сокровищам, спрятанным внутри нас. Я упомянул несколько факторов, ответственных за то, что наследие оказалось скрыто. И вот мы здесь. Наследие как полузахороненное сокровище всё ещё удастся открыть и сделать это могут те практикующие студенты, у которых хватает пристрастия, чтобы усердно его искать, изучать, применять и жить им.

1. *Коржибски: одна из биографий*, с. {оригинала} 8
2. Там же., с. 9
3. Там же., с. 26
4. *Коржибски: одна из биографий*, с. 123
5. Там же., с. 124
6. *Наука и здравомыслие*, с. 554
7. *Коржибски: одна из Биографий*, с. 429
8. *Коржибски: одна из биографий*, с. 21
9. Feynman, http://www.fotuva.org/feynman/what_is_science.html
10. *Наука и здравомыслие*, с. 761
11. *Коржибски: одна из биографий*, с. 569
12. См. "Во Имя Скептицизма: Заблуждения Мартина Гарднэра об Общей Семантике" Оригинал статьи – в журнале *General Semantics Bulletin*, номер 71, 2004 (http://tiny.cc/aj6nw) и “Contra Max Black: An Examination of Critiques of General Semantics” в *General Semantics Bulletin*, номер 64, 1997 (http://tiny.cc/1l05j)
13. Я подробно разобрал проблемы в работе Хаякава в своей книге Коржибски Одна из Биографий и в статье “Вниз по Лестнице Хаякавы”. Оригинал – по ссылке http://tiny.cc/472yk и в журнале *General Semantics Bulletin*, номер 57, 1993.
14. См. *Research Designs in General Semantics*, Gordon and Breach, 1974 и *Graduate Research in General Semantics*, Институт Общей Семантики, 1985, обновлено в 1992 – обе книги редактировал Кен. Также см. его статьи “Korzibskian Models for Research” в *Research Designs in general Semantics*; “Theoretical Structure for Research in General Semantics”, *General Semantics Bulletin*, Номер 51, 1984; и “What Research Tells Us About the Effects of General Semantics Teaching”, *General Semantics Bulletin*, Номер 53, 1985.